

УДК 316.654

DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-5-15-30

**СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ:
ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ И СОВЕТСКАЯ АРХИТЕКТУРА КАК МЕДИА
В ВОСПРИЯТИИ НОВЫХ ГЕНЕРАЦИЙ МОЛОДЕЖИ**

СУСЛОВ Иван Владимирович, кандидат социологических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории «Цифровые исследования философии риска», адрес: 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, д.83, e-mail: suslov85@inbox.ru

Author ID(ПИНЦ): 561147

Аннотация. В городской застройке многих крупных и средних городов России выделяют три исторических этапа: дореволюционный, советский и постсоветский с характерными принципами городского планирования и знаковыми архитектурными объектами, символизирующими те или иные ценности. Цель – исследование особенностей эмоционального восприятия досоветского, советского и постсоветского компонентов городского пространства молодежью российского регионального центра в 2020-е гг. Методология исследования: рассуждая в духе М. Маклюэна, мы рассматриваем архитектуру как медиа или посредник между человеком и миром смыслов. Анализ ментальных карт позволит воссоздать воображаемую структуру городского пространства, выявить отдельные компоненты этой структуры и определить их символическую значимость (в том числе эмоциональную) в глазах горожан. В результате исследования ментальных карт определена тенденция девальвации символического значения района старокупеческой застройки. Некогда (в дореволюционный период) престижный район сейчас бедно представлен на ментальных картах молодежи. В глазах современной молодежи исторический центр города теряет свою важность и перестает вписываться в облик будущего. Падает также и символическое значение таких объектов-символов советского городского пространства, как памятник Ленину, здания областной и городской администраций, театр оперы и балета. На современных молодежных ментальных картах Саратова также отсутствуют советские индустриальные гиганты и революционные памятники. Однако такие архитектурные объекты, построенные в советское время, как, например, мост и парк Победы на Соколовой горе, пока еще являются главными ориентирами на периферии города.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00153.

Ключевые слова: медиа, советская архитектура, ментальные карты, молодежь, СССР, городские исследования.

Цит.: Сулов И.В. Символический интеракционизм: дореволюционная и советская архитектура как медиа в восприятии новых генераций молодежи//Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Том 17. – №5. – С.15-30.

**SYMBOLIC INTERACTIONISM:
PRE-REVOLUTIONARY AND SOVIET ARCHITECTURE AS MEDIA
IN THE PERCEPTION OF NEW GENERATIONS OF YOUTH**

SUSLOV I. V., Candidate of Sociological Sciences, Saratov National Research State University, Senior Researcher of the Educational and Scientific laboratory "Digital studies of the Philosophy of Risk" (Russian Federation, Saratov), e-mail: suslov85@inbox.ru

Abstract. There are three historical stages in the urban development of many large and medium-sized cities of Russia: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet, with characteristic principles of urban planning and iconic architectural objects symbolizing certain values. Purpose: to study the peculiarities of the emotional perception of the Soviet, pre-Soviet and post-Soviet components of urban space by the youth of the Russian regional center in the 2020s. Research methodology: reasoning in the spirit of M. McLuhan, we consider architecture as media or intermediary between a person and the world of meanings. The analysis of mental maps will allow you to recreate the imaginary structure of urban space, identify individual components of this structure and determine their symbolic significance (including emotional) in the eyes of citizens. As a result of the study of mental maps, the trend of devaluation of the symbolic value of the old merchant building area has been determined. Once (in the pre-revolutionary period), the prestigious district is now poorly represented on the mental maps of young people. In the eyes of modern youth, the historical center of the city loses its importance and ceases to fit into the image of the future. The symbolic significance of such objects-symbols of the Soviet urban space, as the monument to Lenin, the buildings of the regional and city administration, the Opera and Ballet Theater is also falling. Modern youth mental maps of Saratov also lack Soviet industrial giants and revolutionary monuments. However, such architectural objects built in Soviet times as, for example, the Bridge and Victory Park on Sokolova Gora are still the main landmarks on the periphery of the city.

Financing: this work is supported by the grants the Russian Science Foundation, RSF № 22-18-00153.

Keywords: media, Soviet architecture mental maps, youth, USSR, urban-studies.

For citations: *Suslov I. V. (2022) Symbolic interactionism: pre-revolutionary and Soviet architecture as media in the perception of new generations of youth // Central Russian Journal of Social Sciences. – Volume 17, Issue 5. – P.15-30.*

ВВЕДЕНИЕ

Рассуждая в духе М. Маклюэна, рассмотрим архитектуру как медиа или посредник между человеком и миром смыслов [12]. В частности городское пространство, заполненное советской, дореволюционной или постсоветской архитектурой, может быть определено как средство коммуникации, с помощью которого воссоздается образ Российской Империи, СССР, новой России транслируются важные для приведенных цивилизаций смыслы.

Городское пространство как искусственно созданное окружение способно взаимодействовать с индивидами, определяя мысли, эмоции, поведение. Для социологического объяснения данного феномена следует обратиться к парадигме символического интеракционизма. Дж. Г. Мид подчеркивал, что здания содержат символы, а значит, в теории коммуникации могут рассматриваться как обобщенное другое (обобщенный групповой символический язык) [13]. Таким образом, городское пространство (как бы выразился Г. Блумер) [2], можно представить как совокупность материальных объектов способных в процессе коммуникации оказывать воздействие на индивидов.

Индикатором эффективности работы архитектурных медиаканалов является востребованность и важность объекта городского пространства в ментальном пространстве горожан и гостей города. В частности, в настоящей статье нас интересуют особенности эмоционального восприятия разных категорий пространства молодежью российского регионального центра в начале XXI в. Городское пространство нами рассматривается как декорация, в которой разворачиваются социально-политические процессы, связанные в первую очередь с постсоветским транзитом российского общества и с влиянием неолиберальной идеологии на изменение облика городов [11].

В последние 30 лет происходит и перестройка внешнего облика, и принципов планирования советских (в первую очередь промышленных) городов [14]. Социологический интерес представляет вопрос о восприятии этих процессов рядовыми гражданами.

Последние пятнадцать лет Саратов стал «жертвой» активного коммерческого строительства, оказавшего влияние на архитектурный облик. Современная молодежь проходит социализацию в принципиально новой городской среде. Следовательно, представляется важным выяснить какие объекты архитектуры и элементы планировки можно рассматривать как ценностно-значимые для современной молодежи. В качестве исследовательского подхода была выбрана методика ментального картографирования.

Методология исследования

Метод создания ментальных карт появляется во второй половине XX века, когда города бурно росли, что усложняло их восприятие. Город для его обитателя усложнялся, фрагментировался, а представление города, в свою очередь, становилось всё более субъективным. Для удобства ориентирования в новом усложнённом городском пространстве рядовой обитатель вынужден держать в сознании некую абстрактную «схему», которую мы и пытались реконструировать с помощью метода построения ментальных карт [17]. Метод ментального картографирования активно применяется в современной России для изучения таких городов, как, например, Казань [10], Иркутск [4], Ростов-на-Дону [9], и других городов.

Анализ ментальных карт позволит воссоздать воображаемую структуру городского пространства, выявить отдельные компоненты этой структуры и определить их значимость (в том числе и эмоциональную) в глазах горожан [7]. Нас в первую очередь будут интересовать точечные элементы (объекты) городской застройки, а уровень их значимости будет определяться в зависимости от частоты упоминания в ментальных картах.

Если пользоваться терминологией К. Линча, то мы будем обращать внимание на ориентиры городской застройки, которые насыщают образ города и служат ключами опознания его отдельных частей. Если создатели карт не указывали на карте-схеме тот или иной объект, то мы делали вывод об отсутствии у последнего актуальной смысловой нагрузки. К. Линч исследовал уровень ясности и читаемости городской застройки, мы же определяем воспоминание того или иного элемента застройки как доказательство согласия с важностью тех или иных смыслов, которое несет в себе данное здание.

Другими словами, мы утверждаем, что городское пространство может быть представлено в виде текста, послания или медиа и прочитано, а дискурс, который оно скрывает в себе, расшифрован. Это утверждение опирается на признание того, что восприятие города является результатом коллективного процесса обсуждения и согласования [16]. Следовательно, процесс создания имиджа или образа города социален, конкретен и апеллирует к историческому прошлому, а также диалектичен по своей природе.

Рассуждая в парадигме символического интеракционизма, заметим, что диалектика городского пространства предполагает, что здания априори несут в себе те или иные идеологические послы [8]. Архитектурные смыслы усваиваются и перерабатываются внутри то-

го или иного сообщества в форме символической памяти, мифов, становясь также еще и одной из основ конструирования социальной идентичности.

Таким образом, использование метода картирования позволяет выявить молодежные образы городского пространства. Сам процесс анализа ментальных карт будет заключаться в толковании и расшифровке смыслов, вкладываемых информантами в городское пространство [15]. В первую очередь это означает признание возможности существования коллективного согласия по поводу распознавания смыслов тех или иных элементов городской застройки.

Сама городская застройка нами рассматривается как декорация, в которой развёртываются социальные процессы, связанные в первую очередь с постсоветским транзитом российского общества и с влиянием неолиберальной идеологии на изменение облика городов. В последние 30 лет происходит перестройка внешнего облика и принципов планирования советского города. Социологический интерес представляет вопрос о восприятии этих процессов современной молодежью.

К. Линч в своем знаменитом эксперименте просил респондентов нарисовать карту того или иного города и вычленял ее составные элементы. Основное внимание при анализе уделялось объектам застройки, помогающим ориентироваться в городе. Так было открыто новое направление в социальных исследованиях, изучающее воздействие архитектуры на индивида и образ города, запечатленный в сознании человека. Для К. Линча важным было проследить принцип и характер районирования, а также связанную с ним задачу ориентирования в пространстве.

Осенью – зимой 2021 года мы собрали более 100 схем-рисунков города Саратова. Отбор респондентов осуществлялся по принципу спонтанной (стихийной) выборки. Исследование проведено в качественной перспективе и предполагает выдвижение положений через глубокий и насыщенный анализ данных. Основная задача исследования состояла в определении символического и эмоционального значения различных элементов городской застройки. Анализ ментальных карт позволил выявить места и объекты, формирующие образ города.

Ментальные карты отражают представления информантов о той или иной местности, это образ, сложившийся в их голове и перенесенный на бумагу. Данный метод удобен тем, что исследователь практически не вмешивается в процесс получения информации, а

значит, не оказывает на него субъективного воздействия. Информант может полностью погрузиться в процесс и предоставить релевантный эмпирический материал. Во время полевого исследования мы вслед за С. Милграм просили информантов «нарисовать свой Саратов» и отметить, какие эмоции вызывают объекты его городской застройки. При этом акцент делался именно на притяжательном местоимении «свой», подразумевая, что респонденты будут рисовать город, известный и освоенными ими самими, а не просто воссоздавать топографическую карту города.

Анализ ментальных карт позволил определить, какие архитектурные строения важны для информанта, на какие он желает обратить внимание другого, а какие оказались забыты, неинтересны или неизвестны. Реальность и географический образ редко состыкуются между собой, что добавляет актуальности социологическому изучению представлений. Одно дело – реконструкция идеологического посыла какого-либо архитектурного сооружения, другое дело – выяснение реальной рецепции этого послания молодыми горожанами. В созданных ментальных картах просвечивает (в зависимости от выделяемых объектов) социальная идентичность информантов [6].

Таким образом, нас интересовали следующие исследовательские вопросы. Какие элементы городской застройки важны для горожан в качестве ориентиров? С какими архитектурными объектами ассоциируется центр? Какие пространства признаются ценными, важными, центральными, общими для саратовского сообщества? Почему об одних зданиях помнят, а о других забывают?

Город Саратов на ментальных картах

Какие символы Саратова можно выделить в туристической перспективе? Важнейшим символом города является Волга и связанные с ней мост и набережная. Кроме того, в канонический фотоальбом города входят Музейная площадь, художественный музей им. А. Н. Радищева, парк «Липки», памятник Н. Г. Чернышевскому, консерватория, Соколовая гора. Ключевыми крайними точками, в которых заключен символический центр Саратова, являются Крытый рынок, набережная, городской парк.

Существует и другой взгляд на топографию Саратова: сакральным центром Саратова – центром сосредоточения светской и духовной власти – может быть объявлена Театральная площадь. Здесь в рамках относительно целостного архитектурного ансамбля сочетаются: светская власть (правительственные учреждения и корпуса Поволжской академии государственной службы), духовная власть (восста-

новленная часовня Александра Невского), власть культуры (академический театр оперы и балета, художественный музей имени Радищева). Кроме того, к настоящему времени Театральная площадь является перенасыщенной сакральными знаками: памятник П. А. Столыпину, «Сердце губернии», обелиск погибшим сотрудникам милиции, Вечный огонь.

В начале анализа полевого материала задумается о том, как рисуются ментальные карты? Информант, получив задание, отмечает то, что вспоминается о Саратове в первую очередь. В большинстве случаев рисунок начинался с обозначения центра (Кировский проспект) и символов города. Почти на каждой карте-схеме был обозначен проспект Кирова (в 65 % рисунков он подписан, в большинстве остальных, безусловно, угадывается), поддерживающийся с четырех углов основными архитектурными символами города: Крытым рынком, цирком имени братьев Никитиных, консерваторией и церковью «Утоли мои печали». Проспект Кирова на картах иногда плавно переходил в городской парк «Липки» (в 15 % случаях).

На проспекте отмечаются единичные торговые центры («Манеж»), кафе (в первую очередь МакДак и KFC), бутики и т. д. После того как респонденты размечали проспект Кирова, многие вспоминали про Соколовую гору и расположенный на ней парк Победы, в результате указанные объекты очерчивали на ментальных картах верхнюю границу Саратова.

Справившись с центром, информанты определяли границы своей схемы. В качестве символов окраины города наиболее популярными стали парк Победы на Соколовой горе (указан на 39 рисунках), мост и Волга с набережной, железнодорожный вокзал (в 56 %).

Предсказуемо важнейшим элементом ментальных карт стала набережная (на 78 рисунках). Удлинение набережной становится серьезным бонусом, выводящим объект на лидирующие позиции в ментальных картах современной саратовской молодежи. Волга и набережная оказываются обязательной – верхней (или нижней, или боковой) границей схем. Действительно рисунки часто начинались от набережной.

На ментальных картах отразились объекты, освоенные саратовской молодежью, а значит входящие в категорию присвоенного пространства. Освоенность места подразумевает узнавание, частое посещение, а значит, наполнение индивидуальными смыслами. На ментальных картах оказались широко представлены парки, имеющие статус важных коммуникативных пространств. Городские парки яв-

ляются значимым элементом, поддерживающим чувство территориальной общности и включенности индивидов в городское сообщество.

Многие респонденты, вспоминая пространство своего города, чертили важнейшие его улицы. Во время анализа мы сделали допущение, что упоминание той или иной улицы на карте-схеме косвенным образом показывает нам и субъективную важность городской застройки того или иного района. На многих ментальных картах сделана попытка не просто очертить центр и границы Саратова, а создать полный образ город. В данном случае пространство представлено локусами, которые организуются вокруг определенных архитектурных объектов. Последние могут рассматриваться как ценностно окрашенные локусы городской застройки, важные для формирования городской идентичности.

Следует отметить невнимание респондентов к Музейной площади и расположенным около нее объектам. Троицкая церковь (старейшая постройка в городе указана в малом количестве рисунков), архитектурный ансамбль зданий краеведческого музея и управления РЖД были представлены всего лишь на трех ментальных картах-схемах.

Центр Саратова представляет собой калейдоскоп культур и миров дореволюционного, советского и постсоветского периодов, которые в сознании горожан складываются в единую мозаику городского пространства. Но стоит выйти за пределы проспекта Кирова, как на ментальных картах отражается пустота. Филармония и Дом офицеров, гостиница «Жемчужина» и издательский центр «Слово» и многие другие достойные архитектурные объекты вычеркнуты из числа ценностных репрезентаций городской застройки Саратова у молодого поколения. Еще Ж. Бодрийяр отмечал, что смешение общественных (общих) мест с потребительским поведением приводит к «опустыванию» районов, когда-то имевших важное символическое значение. Отдельным местам в городе, которые постепенно превращаются в зоны, «где нечего делать», грозит забвение [3]. Далее с опорой на саратовский материал будет выдвинута гипотеза о причинах этой странной слепоты на ментальных картах.

Эмоциональное восприятие исторического архитектурного наследия саратовской молодежи

Что бы отметили советские люди, если бы их попросили нарисовать карту Саратова, предположим, в 1957 году, или граждане Российской империи – в 1914-м? Этот риторический вопрос, заставляющий задуматься об особенностях эволюции восприятия города, выво-

дит нас на проблемы современной застройки Саратова. Одним из направлений анализа ментальных карт стало определение тех зон, которые ранее играли важную роль в топографии города, а ныне оказались забыты респондентами. Целый ряд городских локаций не был представлен на ментальных картах, из чего делаем вывод об утрате ими своего символического значения для горожан. Закономерным будет следующий вопрос: какие следы застройки прошлых лет остались в пространственных образах современных саратовцев?

От дореволюционной застройки в наследство современному Саратову перешли проспект Кирова (ранее называвшийся Немецкой улицей), консерватория, церковь «Утоли мои печали». Данные объекты составляют важнейшую часть ценностных репрезентаций саратовской архитектуры.

На этом торжество старой застройки заканчивается. На ментальных картах отсутствовали архитектурные объекты старой купеческой и дворянской застройки центра Саратова. Улица Московская (по сути центральная) и прилегающие к ней районы дореволюционной исторической застройки представляют собой на ментальных картах пустые пространства. Этот очередное доказательство того, что ветшающая старая архитектура воспринимается многими саратовцами как балласт, затрудняющий городское развитие.

Наряду с забвением памятников дореволюционной архитектуры современной молодежью также минимальное внимание уделяется культовым объектам (например, православным соборам). Данное наблюдение можно считать одной из качественных характеристик современного молодежного образа Саратова. Одновременно следует отметить частое появление на картах-схемах парковых пространств. Парки являются важнейшим элементом городского планирования начиная с XIX века и до сегодняшнего момента. Особое внимание на наших ментальных картах уделяется важнейшему советскому топографическому символу – парку Победы и Соколовой горе. Кроме того, исключительно положительные эмоции вызывает городской парк. Памятники часто зарисовываются – Соколовая гора (стела или бронетехника), Чернышевского у консерватории, Ленина на Театральной: видимо, советские символы производят впечатление, но подписывать их молодежь не считает необходимым.

Какое архитектурное наследие советского времени сегодня может рассматриваться в качестве ценностных репрезентаций городской застройки? Современный образ Саратова немыслим без целого ряда районообразующих объектов, выполняющих важные социальные

функции. Коллектив уральских социологов провел исследование малых уральских заводов методом ментального картографирования. В ходе анализа уральского эмпирического материала были выделены основные элементы городского пространства. Ими оказались заводы, развлекательные центры, торговые объекты, парки, советские памятники, культовые сооружения [5]. Заводы являются показателем индустриальной мощи и залогом благосостояния, а вот памятники и церкви – это попытка отметить на карте города историческую преемственность. Обращаясь к картированию Екатеринбурга, Н. Анферова отмечает, что промышленные районы этой некогда индустриальной столицы Урала представлены в виде серого пятна, что отражает отношение горожан к индустриальным объектам [1].

Действительно, в советское время особое место в топографии города занимали промышленные объекты, которые почти отсутствуют на современных ментальных картах молодых саратовцев. Более того, анализ эмпирического материала позволил зафиксировать следующий нюанс современного восприятия советского градостроительного наследия. На современной ментальной карте Саратова падает значение Театральной площади – той самой, где кульминационного пика достигал ежегодный коммунистический митинг. Здания (да и весь правительственный район), в которых размещалась советская (и размещается российская) власть, также почти отсутствуют на ментальных картах. Марк Оже выделяет два вида восприятия городского пространства: как место памяти и как место встречи. Собственно, для нашего исследования оказывается важным соотношение публичных пространств и пространств, нагруженных историческими символами – как советскими, так и дореволюционными. Несоответствие вышеназванной пары может считаться главной причиной трагедии современной застройки российского провинциального города.

Гигантский памятник Ленину, возвышающийся над Театральной площадью и правительственными зданиями, редко появляется на картах-схемах. Театр оперы и балета (также находящийся на Театральной площади и в непосредственной близости к административному центру) пропадает с ментальных карт, хотя здание, выполненное в стиле сталинского ампира, имеет весьма существенные размеры. Также следует напомнить, что памятник Ленину и здания, прилегающие к нему, довлеют над окружающей архитектурой. Таким образом, можно сделать вывод о падении роли идеологических пространств в общем молодежном образе городского пространства.

Кстати театры и музеи, составлявшие важную часть в советском

образе города и топографии, ныне (кроме ТЮЗа) бедно представлены на ментальных картах молодых саратовцев. Может быть, потому что они находятся в относительной отдаленности от проспекта Кирова, наполненного новыми актуальными постсоветскими смыслами.

Редкость упоминания музеев и театров контрастирует с частым появлением на ментальных картах стадионов. Однако данный факт не является свидетельством возрастания роли спорта или превращения стадионов в публичное пространство насыщенной коммуникации. Всё проще, стадион «Динамо» включен в район «Липки» (которые, в свою очередь, выступают как продолжение проспекта Кирова), а стадион «Локомотив» популярен благодаря своему соседству с железнодорожным вокзалом.

Ментальные карты саратовской молодежи представили прогнозируемые, ожидаемые результаты: традиционные (исторические) символы города проигрывают в конкуренции за эмоции и внимание новым объектам и пространствам, связанным с шопингом и развлечениями. Однако следует отметить, что сама формулировка задания предоставила развлекательным центрам некоторую фору. Ведь мы просили отметить места, которые вызывают у респондентов эмоции, а, следовательно, получили на ментальных картах не набор общепринятых символов Саратова, а мест, безусловно, важных для молодого жителя города. Скорее, мы выяснили рейтинг популярности торговых центров и посещаемости ресторанов быстрого питания.

Однако многие исторически значимые места Саратова всё же смогли пробиться сквозь архиважные образы развлекательных центров и получили свое место на ментальной эмоциональной карте, что должно свидетельствовать об их непреходящей важности. Но можно предположить, что подобный успех обеспечивался двумя обстоятельствами – необычностью архитектурного решения и, что важнее, близостью к центральному месту развлечения, которое очерчено проспектом Кирова, Чапаева, Чернышевской-Волгой. Можно отметить лишь три безусловно важных и независимых от проспекта Кирова места притяжения положительных эмоций – это Соколовая гора, «Триумф Молл» и городской парк.

Тот факт, что отдельные объекты постсоветской застройки были отмечены на ментальных картах-схемах Саратова, имеет важное значение для понимания эволюции образа города. О чём говорит данное наблюдение? Во-первых, новые коммерческие объекты и должны быть заметны на ментальных картах горожан, так как они начинают ассоциироваться с традиционным обликом города, хотя многие из

них выбиваются из архитектурного ансамбля города и имеют весьма вычурный вид. Однако, если они появились на картах, это означает, что у молодежи данные объекты занимают место в одном ряду с традиционными символами города. Во-вторых, для районов, отдаленных от центра, торговые комплексы имеют все шансы в будущем превратиться в важные символы ориентирования, а значит, и рассматриваться как ценностные репрезентации застройки.

Расположенный в Заводском районе торговый центр «Оранжевый» структурирует пространство вокруг себя. В буквальном смысле Заводской район часто фиксируется как область, над которой возносится торговый комплекс «Оранжевый». На пути в Заводской район наши информанты отмечали (хотя и редко) спортивные объекты – ледовый дворец, чуть чаще – стадион «Спартак» и обычно (как важный переходный локус) – городской парк. Едва ли не единственным эмоционально значимым топосом в Ленинском районе становится торговый центр «Тау-галерея».

Появление на ментальных картах новых торговых центров является важным свидетельством трансформации восприятия города. Идет процесс переформатирования образа города, и те или иные пространства начинают увязываться и соотноситься с новыми постройками, несущими в себе отпечаток глобализации. Они появляются не только в местах бедных на символические образы застройки, но и в центре, где в достаточном количестве располагаются символически важные здания старой застройки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем основные итоги. В результате исследования ментальных карт определена тенденция девальвации символического значения района старокупеческой застройки. Некогда (в дореволюционный период) престижный район сейчас бедно представлен на ментальных картах молодежи. В глазах современной молодежи исторический центр города теряет свою важность и перестает вписываться в облик будущего. Падает также и символическое значение таких объектов-символов советского городского пространства, как памятник Ленину, здания областной и городской администраций, театр оперы и балета. На современных молодежных ментальных картах Саратова также отсутствуют советские индустриальные гиганты и революционные памятники. Однако такие построенные в советское время архитектурные объекты, как, например, мост и парк Победы на Соколовой горе, пока еще являются главными ориентирами на периферии города.

Интерес со стороны молодежи к дореволюционным символам го-

рода, расположенным на проспекте Кирова, возрастает благодаря их близости к многочисленным современным бутикам, кафе и торговым центрам. Это гипотеза позволяет объяснить, почему респонденты, создавая ментальные карты, забывают здание филармонии, находящееся недалеко от консерватории. Это несущественная удаленность от проспекта, наполненного вожаемыми символами потребления, способствует забвению важнейших архитектурных символов города. Большая часть дореволюционной купеческой застройки Саратова игнорировалась при создании карт-схем, за исключением единичных символов Саратова, расположенных опять же на проспекте. Погружаясь в мировой контекст, можно констатировать, что молодежное сообщество города внутренне готово строить собственную идентичность вокруг объектов, одобренных логикой глобализации.

При создании ментальных карт дореволюционная застройка Саратова молодежью игнорировалась, за исключением единичных символов, расположенных на центральной улице (проспекте Кирова). Капиталистический проект (коммерческая застройка) переустройства города активно воплощается в центре и имеет явные перспективы своей реализации на окраинах. Интерес к старым зданиям, расположенным на проспекте Кирова, обусловлен благодаря их близости к многочисленным бутикам, кафе и торговым центрам.

Библиография/References:

1. Анферова Н. Индустрия образов и образ индустриальности // Топос. – 2011. – № 1. – С. 183-197.
2. Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. – М.: Элементарные формы, 2017.
3. Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. – 1997. – №7. – С.107–117.
4. Брызгина Д. «Этнические» рынки Иркутска: производство и трансформация социального пространства города // Laboratorium: Журнал Социальных Исследований. – 2020. – № 3. – С. 70–99.
5. Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – №3. – С.101–111.
6. Глазков К.П. Ментальные карты: ограничения метода и образ «чужого» в малом городе // Laboratorium: Журнал Социальных Исследований. – 2015. – №3. – С. 106–117.

7. Глазков К.П. Экскурсия по городу: ментальные карты как инструмент изучения образа города // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2013. – №5. – С.136–151.

8. Кавтарадзе С. Анатомия архитектуры. Семь книг о логике, форме и смысле. – М.: Высшая школа экономики, 2021.

9. Лагодина Е.В. Воображая город. Изучение восприятия городского пространства на примере Ростова-на-Дону // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2015. – №1. – С. 23–27.

10. Латыпова М.С., Мингалимова Э.А. Ментальная репрезентация города Казань // Архитектон: Известия вузов. –2021. – №4. – С.19–32.

11. Ледяев В.Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. – М.: НИУ ВШЭ, 2012.

12. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. – М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003.

13. Мид Дж. Г. Философия настоящего. – М.: Высшая школа экономики, 2014.

14. Нечаев Д.Н., Селиванова Е.С. О «ржавом поясе» ЦФО: особенности промышленной деиндустриализации территорий Центральной России в 2001–2017 гг. // Среднерусский вестник общественных наук. –2018. – №2. – С.61–80.

15. Стрельникова А., Ваньке А. Полевое исследование индустриального района: стратегии сбора и анализа визуальных данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2017. – №13. – С.51–72.

16. Gieryn T.F. A space for place in sociology // Annual Review of Sociology. – 2000. – Vol. 26. – P. 463–496.

17. Pile S. Real Cities. Modernity, Space and the Phantasmagorias of City Life. Sage Publications, 2005.

1. Anferova, N. (2011) Industriia obrazov i obraz industrial'nosti [The image industry and the image of industriality] // Topos. 2011. № 1. P. 183–197. (In Russ.).

2. Blumer, G. (2017) Simvolicheskii interaktsionizm: perspectiva i metod [Symbolic Interactionism: Perspective and method]. M.: Elementarnye formy. 688 p. (In Russ.).

3. Bodriiia, Zh. (1997) Gorod i nenavist' [The City and hate'] // Logos. № 7. P. 107–117. (In Russ.).

4. Briazgina, D. (2020) «Etnicheskie» rynki Irkutska: proizvodstvo i transformatsiia sotsial'nogo prostranstva goroda ["Ethnic" markets of Irkutsk: production and transformation of the social space of the city] // La-

boratorium: Zhurnal Sotsial'nykh Issledovaniï [Journal of Social Research]. № 3. – P. 70–99. (In Russ.).

5. Vandyshchev, M.N., Veselkova, N.V., Priamikova, E.V. (2013) Mesta pamiati i simvolicheskii kapital territorii v mental'nykh kartakh gorozhan [Places of memory and symbolic capital of territories in mental maps of citizens] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]. – № 3. – P. 101–111. (In Russ.).

6. Glazkov, K. (2015) Mental'nye karty: ogranicheniia metoda i obraz «chuzhogo» v malom gorode [Mental maps: limitations of the method and the image of a "stranger" in a small town] // Laboratorium: Zhurnal Sotsial'nykh Issledovaniï [Journal of Social Research]. – № 3. – P. 106–117. (In Russ.).

7. Glazkov, K.P. (2013) Ekskursiia po gorodu: mental'nye karty kak instrument izucheniia obraza goroda [City tour: mental maps as a tool for studying the image of the city] // Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring public opinion: economic and social changes]. № 5. – P. 136–151. (In Russ.).

8. Kavtaradze, S. (2021) Anatomii arkhitektury. Sem' knig o logike, forme i smysle [Anatomy of architecture. Seven books on Logic, Form and Meaning]. M.: HSE. (In Russ.).

9. Lagodina, E.V. (2015) Voobrazhaia gorod. Izuchenie vospriiatiia gorodskogo prostranstva na primere Rostova-na-Donu [Imagining the city. Studying the perception of urban space on the example of Rostov-on-Don] // Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik [North Caucasian Psychological Bulletin]. № 1. – P. 23–27. (In Russ.).

10. Latypova, M.S., Mingalimova, E.A. (2021) Mental'naia reprezentatsiia goroda Kazan' [Mental representation of the city of Kazan] // Arkhitekton. – № 4. – P. 19–32. (In Russ.).

11. Ledjaev, V.G. (2012) Sociologija vlasti. Teorija i opyt jempiricheskogo issledovaniia vlasti v gorodskikh soobshhestvakh [Sociology of power. Theory and Experience of Empirical research of Power in urban communities]. M.: HSE. (In Russ.).

12. Makljuven, G.M. (2003) Ponimanie Media: Vneshnie rasshirenija cheloveka [Understanding Media: External Extensions of a Person]. M.; Zhukovskij: KANON-press-C, Kuchkovo pole. (In Russ.).

13. Mid, Dzh. G. (2014) Filosofija nastojashhego [Philosophy of the Present]. M.: HSE. (In Russ.).

14. Nechaev D.N., Selivanova E.S. (2018) O "rzhavom pojase" CFO: osobennosti promyshlennoj deindustrializacii territorij Central'noj Rossii v 2001-2017 gg. [About the "rust belt" of the Central Federal District: fea-

tures of industrial deindustrialization of the territories of Central Russia in 2001-2017] // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. № 2. – P. 61-80. (In Russ.).

15. Strel'nikova, A., Van'ke, A. (2017) Polevoe issledovanie industrial'nogo raiona: strategii sbora i analiza vizual'nykh dannykh [Field research of an industrial district: strategies for collecting and analyzing visual data] // Interaktsiia. Interv'iu. Interpretatsiia [Interaktion. Interview. Interpretation]. № 13. – P.51-72. (In Russ.).